

искусстве. Эти идеалы были заимствованы прежде всего из наследия античности. Главное внимание уделялось искусству слова, изяществу речи, благозвучию, красоте эмоциональных описаний картин природы, звездного неба, красоты юности. Сторонники этой эстетической концепции содействовали тому, что с XIII в. зодчество, живопись, прикладные искусства перешли из сферы ремесла, занятие которым находилось прежде в пренебрежении у интеллектуалов империи, в сферу высокого искусства и даже онтологии, философии, мировоззрения. Изобразительные искусства и художественные памятники и изделия призваны были способствовать постижению изменчивости мира. Гармония, соразмерность, зеркальное отражение, соответствие внешнего облика и внутренней сущности (сил души, мудрости, разума, знания) — такими были эстетические нормативы, пропагандируемые гуманистами. Сравнительно с античными эти идеалы содержали мало нового, но новыми были акценты на общечеловеческих ценностях, идеях человеколюбия, справедливости. Красота в глазах гуманистов служила выражением добрых чувств и разума.

Что же касается церковно-монастырских кругов, прежде всего исихастов, то они понимали красоту как образ Бога, смирения и веры. Подобная позиция художника не была новой, о чем можно судить по иконам доиконоборческой эпохи, но с XIII в. она стала гораздо более четкой, целенаправленной. Церковь, духовенство в целом осознали угрозу своей монополии в области духовной жизни общества, трактуемую как опасность обмирщения и окатоличивания православных. Упрочению господства над их умами должна была содействовать мистическая доктрина Григория Паламы. Но этого было мало — в делах веры не меньшее (если не большее) значение имела сфера чувств. Не случайно поэтому главный теоретик нового исихазма (Палама) обратился специально к эстетике как истинно христианскому учению о подлинной красоте.

Страстный религиозный фанатизм, предельно напряженный духовный поиск, грозная неотвратимая опасность православному миру, слабость светской власти, идеологическая оппозиция гуманистов, воспринимаемая как подрыв основ веры, рост иноземного, (особенно католического) культурного влияния — все это обусловило появление мистической доктрины Паламы, представлявшей собой в сущности путь спасения духа, а не тела, уход в индивидуальное, в смирении достигаемое единение с божеством, т. е. путь «внутренней (духовной) эмиграции», отречение от реального мира. Такова была идеологическая и политическая сущность паламизма. Иной была, однако, его функция в искусстве, в том числе и в эстетике. Высокая духовность, перенесенная в область искусства, обусловила новый крупный шаг в понимании красоты и в развитии средств и приемов ее художественного воплощения.

Влияние исихазма на изобразительное искусство было огромно, но вряд ли исихазму можно приписать такие тенденции в живописи, как усиление светского начала и тяготение к реализму (натюрморту, картинам природы (ландшафту), архитектуре, воспроизведению реальных исторических событий рядом с ветхозаветными и евангельскими сценами, портретному изображению ликов людей, святых, героев, деятелей государства).

Сосуществовали одновременно два направления, из которых одно можно условно определить как приверженное «классицизму», канону, традиции (здесь воспроизведение внутренней, духовной красоты было доминирующим), а другое — как тяготеющее к «реализму», для которого прежде всего были свойственны и новые приемы письма (красочная палитра, новая игра светотеней, разнообразие моделировок, многомерность пространства и композиций). Яркая черта этих новых изображений (фресок, икон, мозаик, книжных миниатюр) — их динамизм, экспрессия и эмоциональность, неразрывная связь центральной фигуры с ее окружением, тонкость рисунка, индивидуальность и психологизм характеристик. В интимном портрете перед зрителями представляли образы их современников.

Живописное начало, тяготение к более точному отражению действительности характерны и для книжной миниатюры XIV—XV вв., развивавшейся под явным влиянием иконописи. Изучение богато иллюминированных рукописей палеологовской эпохи показывает, что недостаток материальных средств отразился и в этой сфере. Скрипторий и живописная мастерская оказались изолированными друг от друга в пространстве (в богатых скрипториях XI—XII вв. иллюстрации выполнялись одновременно с написанием текста, по мере готовности соответствующих пассажей). Теперь живописец иллюминировал готовую рукопись, в которой были оставлены для этого пустые страницы или пустоты на соответствующих страницах. Под сильным влиянием палеологовской живописи (прежде всего столичной ее школы) развивалось изобразительное искусство не только провинций, Эпира и Трапезунда, но и Сербии, Болгарии, Московской Руси, Грузии, где складывались собственные национальные школы. На Руси но-